

А. Кожина

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ

Хотя механизм оценочности тщательно и подробно изучается в синхронии, за границами исследований во многих случаях остаются диахронические аспекты существования подобных языковых единиц.

Первая проблема, связанная с изучением этого пласта лексики, касается механизма отбора материала для изучения. Исследователи до сих пор не выработали однозначных критериев, позволяющих быстро и непротиворечиво извлекать из лексикона эмоционально-оценочные лексические единицы. И в этой ситуации сам процесс сбора исторического материала превращается в выработку собственных критериев квалификации слова как эмоционально-оценочного и обоснования правильности селекции.

Ставя перед собой иную, нежели обоснование сущности эмоциональной оценки, задачу приходится обращаться к формальным критериям отбора материала. Наиболее удобным формальным способом выделения рассматриваемого пласта лексики представляется ориентация на словарные пометы, указывающие на эмоциональную окраску лексемы. В этом случае, однако, проведение перспективного анализа эмоционально-оценочной лексики представляется трудной задачей, поскольку исторические словари русского языка помет не содержат. Остается прибегать к проспективному анализу, следовательно, рассматривать время появления в языке и историю развития лексем, составляющих аппарат эмоциональной оценки современного русского языка.

На этом пути также возникают многочисленные проблемы. Во-первых, наблюдается разбежка в трактовке оценочности в словарях, разделенных тридцатилетним временным перерывом, на который пришлось существенные перемены в истории страны. По

понятным причинам лексема *предприниматель* в МАС [1984: 368], отражающем состояние русского языка в 60-70 гг., содержит значение, отмеченное как неодобрительное ('делец, ловкий организатор выгодных предприятий'), в то время как в БТС [2008: 960] подобной пометы не наблюдается. В некоторых же случаях оба словаря не учитывают объективно присутствующую в структуре семантики слова эмоциональную оценку, не зависящую, к тому же, от внеязыковых факторов. Так, например, семантика глагола *блеять* представлена следующим образом: 'издавать блеяние' [МАС 1, 1981: 98] и 'издавать характерные дрожащие прерывистые звуки, напоминающие «бе-е» или «ме-е» (о козах, овцах)'; 'издавать такие или похожие звуки [о человеке, музыкальном инструменте и т. п.]' [БТС, 2008: 83]; толкование не сопровождается пометами. Однако примеры из «Национального корпуса русского языка»¹ говорят и о наличии еще одного значения – 'говорить неуверенно, смущенно' с явным присутствием негативно-оценочной коннотации, ср.: ... *и вот он краснеет, как девица и что-то мучительно блеет...* (Дмитрий Глуховский, 2005).

Тем не менее, полученные в результате анализа словарного материала данные можно считать относительно объективными, учитывая тот факт, что словарь является отражением коллективного сознания носителей языка, описанного современными научными методами. По крайней мере, полученный корпус лексем может быть расценен как своеобразное «среднее арифметическое» и использован для представления развития эмоционально-оценочного словарного запаса русского языка.

При диахроническом анализе собранного словарного материала возникает еще одна проблема, состоящая в отсутствии для русского языка единого исторического словаря, подобного Оксфордскому словарю для английского языка, о чем, в частно-

¹ Здесь и в дальнейшем, если не указано иначе, примеры приводятся из «Национального корпуса русского языка» (www.ruscorpora.ru), в круглых скобках приводится имя автора.

сти, неоднократно писал В. В. Виноградов (см., например, [Виноградов, 1977]). Поэтому, составляя историю эмоционально-оценочной лексики, необходимо обращаться к различным лексикографическим источникам: историческим и этимологическим словарям, словарям иностранных слов, социолектным и диалектным словарям и т. д.

Здесь следует указать еще на одну проблему, связанную с описанием эмоционально-оценочной лексики. Анализируя ее по данным словарей, мы обращаемся к материалу лишь одного из вариантов русского языка, а именно его книжно-письменного варианта. Тем не менее, желая проследить историю данного пласта лексики, мы вынуждены избрать подобный путь. По-видимому, мы никогда с абсолютной достоверностью не узнаем, как выглядела подобная лексика в народно-разговорном языке древних эпох, поскольку даже диалектные словари не предоставят нам таких данных. Вехи проникновения негативно-оценочных лексем в русский книжно-письменный язык, по данным различных словарей, выглядят следующим образом: донациональный период – 12 лексем; переходный этап (XVII в.) – 11 лексем; национальный период (эпоха Просвещения) – 148 лексем; классический период (XIX – нач. XX вв.) – 371 лексем; советский период и конец XX в. – 266 лексем².

Обращает на себя внимание малое количество отрицательно-оценочных лексем, попавших, по данным словарей, в язык до XVII в. Однако, как представляется, эти цифры отражают не характер лексикографических источников или текстов, проанализированных в них, которые не предполагают наличия подобных единиц. Так, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» источники лексического материала представлены следующим образом: «Общепризнано, что памятники письменности в древней и средневековой Руси были очень богаты, разнообразны. Среди них были произведения не только художественные, но и публицистические, нравоучительные сборники, проповеди, житийная литература, бо-

² Выборка проведена Т. В. Никитенко.

гослужебные книги, естественнонаучные труды, исторические произведения, юридические памятники, актовые материалы, грамоты, переписка, путешествия, послания и т. п.» [СлРЯ XI–XVII вв. 1: 8]. Поэтому в указанном словаре может встретиться лексика совершенно различной стилистической и эмоциональной окраски, например, лексема *насрать* ‘отнестись к чему-либо с полным пренебрежением’ (XVII в.) [СлРЯ XI–XVII вв. 10, 1975: 262]. Меньшее количество рассматриваемых лексем, появившихся в донациональный период развития русского языка, говорит о том, что современная отрицательно-оценочная лексика начинает появляться именно в XVIII в. – в период бурного развития промышленности, привлечения к управлению государством выходцев из социальных низов, продолжающейся секуляризации русской культуры, начатой в XVII веке.

Как и другие лексические единицы, негативно-оценочные лексемы появляются в книжно-письменном русском языке одним из основных способов: *внутриязыковым* (в результате словообразовательной (280 лексем) или семантической (427 лексем) деривации) либо *внеязыковым* (в результате заимствования из другого языка (18 лексем) или из другого подъязыка (диалекта или социолекта) (83 лексемы)).

Как видно, наименьшим количеством представлены негативно-оценочные лексемы, заимствованные из других языков, что явно противоречит мнению, например, В. В. Виноградова, который в одной из своих неопубликованных работ отмечал: «Общезвестно, что слова бранные, ругательные и вообще выражающие отрицательную оценку заимствуются особенно часто (ср. *мымра*, *бестия*, *каналья*, *прохвост* и т. п.), пополняя синонимические ряды русского языка» [Виноградов 1994: 591]. Но хотя чистых заимствований в рассматриваемом материале не очень много, их история в русском языке представляется достаточно интересной. Так, *быдло*, по определению БАС, первоначально попадает в южные и западные русские диалекты из польского языка через украинский [БАС 1: 718]. Можно, тем не менее, усомниться в диалектном

происхождении этой лексемы, поскольку первые примеры в «Национальном корпусе русского языка» представляют ее в абсолютно литературных контекстах в связи с польскими реалиями (ср.: *...в Польше этот аристократизм обратил высшие сословия в ясновельможное панство и шляхетство, а низшие – в быдло* (Н. Данилевский (1869))), что дает возможность предположить ее непосредственное заимствование в книжный язык из польского языка.

Во многих случаях определение внутренней формы слова, а соответственно, и путей его проникновения в книжный язык, вызывает трудности. Примером этому может быть происхождение слова *вахлак*. М. Фасмер указывает для него два значения: 1. ‘шишка, желвак, опухоль’, 2. ‘болван, неотесанный человек’, указывая на неясность этимологии [Фасм. 1, 1986: 280]. По-видимому, ответ на вопрос о происхождении, по крайней мере, в отношении эмоционально-оценочного варианта, может дать «Словарь русских народных говоров» [СРНГ 4, 1969: 74–75]. Здесь помимо огромного гнезда существительных (*вахлай, вахлак, вахлей, вахлуй, вахлюй, вахлюк, вахлюш, вахляй, вахляк, вахляло*) с широким диапазоном негативно-оценочных значений от осуждения неумения одеваться и неаккуратности до лености, глупости и мошенничества, в которых очевидно определяется корень *вах-*, приводятся и глаголы *вахлять* ‘делать что-либо наскоро, небрежно’, ‘плутовать, мошенничать’, *вахляться* ‘проводить время с кем-либо, валяндаться’, ‘бесплодно заниматься чем-либо’, *вахлить* ‘медленно идти’, ‘быть в грязи’. Отсюда можно сделать вывод об омонимичности рассматриваемых вариантов, о диалектном происхождении эмоционально-оценочной лексемы, о ее мотивации глаголами *вахлять / вахляться* (ср. в связи с этим диал. *вихляй* и *вихляк* ‘ленивый, неуклюжий, неповоротливый человек; разиня, ротозей’ и глагол *вихляться* [СРНГ 4, 1969: 304–305]. Широкий диапазон диалектных значений объясняет разбежку значений в словарях.

Появление большей части отрицательно-оценочной лексики вызвано внутриязыковыми процессами. Как отмечает, В. Н. Телия, «эмотивно окрашенные значения имеют свой отличительный признак – они все прошли через вторичную номинацию» [Телия

1991: 22]. Превалирующим для образования данного пласта лексики является способ семантической деривации, который также является одним из древнейших способов образования эмоционально-оценочных лексем. Так, еще в Синайской псалтыри (XI век) обнаруживаем глагол шыпъзати [СС, 1994: 791] сразу в двух значениях – прямом и переносном ‘нашептывать, клеветать, оговаривать’, сравнимом с современным *шептаться* (неодобр.) ‘заниматься сплетнями, пересудами; передавать друг другу слухи, тайные разговоры’ [БТС, 2008: 1495].

Переломных моментов в развитии семантики лексемы может быть несколько. Рассмотрим слово *великовозрастный*. Первая его фиксация в книжном языке наблюдается в «Житии Феодора Студита» (XIII в.), где оно содержит абсолютно положительную оценку, ср. *житие великовъзрастно* ‘необыкновенная, достойная удивления жизнь’ [СРЯ XI–XVII вв. 2, 1975: 63]. Словарь отмечает также подобное употребление этого слова в XVI в. В литературе же нового времени это слово появляется, по данным «Национального корпуса русского языка», вместе с «Очерками бursы» Н. Г. Помяловского (1862), приобретая значение ‘ученик, вышедший из определенного школьного возраста’, ср.: *Проучившись в четырех классах училища по два года, такие делались великовозрастными; эту причину отмечали в титулке ученика (в аттестате) и отправляли за ворота (исключали)*. В этом значении рассматриваемая лексема фиксируется «Словарем русского языка, составленного вторым отделением Императорской Академии наук» [СРЯ, 1891: 1] и далее ТСРЯ [1, 1936: 243], БАС [2, 1951: 141], МАС [1, 1981: 147] без оценочной пометы, скорее как историзм (ср. лишь в ТСРЯ – книжн. устар.; теперь с оттенком насмешки). Неодобрительную оценку в структуре семантики этого слова отмечает лишь БТС [2008: 116–117], поскольку на 70-е гг. XX века приходится начало акселерации, быстрого физического взросления при умственной и нравственной несамостоятельности; именно для оценки подобного юношеского инфантилизма из закромов лексикона извлекается слово *великовозрастный*, частотность

употребления которого, по данным «Национального корпуса русского языка», значительно возрастает.

Что касается словообразовательной деривации, то языковая система имеет для этого огромные возможности. «Русская грамматика» приводит ряд суффиксов, вносящих в значение лексемы эмоционально-оценочную характеристику, ср., например: «существительные с суф. *-щин(а)/-чин(а)*... имеют значение ‘признак, названный мотивирующим прилагательным, как бытовое или общественное явление, идейное или политическое течение’, обычно с оттенком неодобрения» [Шведова 1980: § 318]. Среди подобных единиц, называемых в академическом издании, содержится много слов, не фиксируемых словарями: *жителейщина, компанейщина, лакейщина, ординарщина, официальщина, повседнещина, стихийщина, субъективщина*.

Не только отдельный формант в разговорной стихии может являться «бациллой», заражающей слово негативно-оценочной экспрессией. Мощная эмоциональная энергетика целого слова приводит к тому, что оно становится образцом, своеобразной матрицей для образования других эмоционально-оценочных лексем. Так произошло, например, со словом *бестолочь*. Оно, как предполагается, образовалось по аналогии с мощным средством выражения экспрессивной оценки – лексемой *сволочь*, безаффиксным образованием от глагола *сволочь* [Шанский 1994]. Таким образом глагольная финаль с частью основы *-о-чь* становится своего рода суффиксоидом, который может образовывать новые слова. А в современном Интернете можно найти игру *Свинтусы и барантусы*, где для образования второго названия была использована часть первого, которая начала здесь выполнять роль форманта.

Подводя итоги, можно сказать, что несмотря на проблемы, возникающие на исследовательском пути, диахроническое изучение эмоционально-оценочной лексики дает очень интересные результаты, а решение этих проблем, например, унификация и стабилизация эмоционально-оценочных помет в лексикографических источниках, может принести пользу и для исследований в области синхронии.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

- МАС, 1985–1988** – Словарь русского языка, в 4 т. М.
БТС, 2008 – Большой толковый словарь русского языка. СПб.
СлРЯ XI–XVII вв., 1988 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М.
БАС, 1950–1965 – Словарь современного русского литературного языка, в 17 т. М.–Л.
СРНГ, 1965 – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. Л.
ТСРЯ, 1936–1940 – Толковый словарь русского языка, в 4 т. М.
СС, 1994 – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М.
СРЯ, 1891–1930 – Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук, в 9 т. СПб.
Даль, 1863–1866 – Даль В. И., Толковый словарь живого великорусского языка, в 4 ч. СПб.
Шанск., 1994 – Шанский Н. М., Боброва Т. А., Этимологический словарь русского языка, М.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов, В. В.* Вопрос об историческом словаре русского литературного языка XVIII–XX веков // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
Виноградов, В. В. Избранные труды: История русского литературного языка. М., 1978.
Виноградов, В. В. История слов. М., 1994.
Теля, В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 36–66.
Теля, В. Н. О различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. М., 1996. С. 31–38.
Шведова, Н. Ю. (ред.) Русская грамматика, т. 1. М., 1980.